

Артём Космарский — антрополог, научный журналист, старший научный сотрудник Института исследований культуры (НИУ ВШЭ). Готовил материалы по истории, антропологии, социологии и другим социогуманитарным наукам для ведущих СМИ России: *Lenta.ru*, *Gazeta.ru*, *Indicator.ru*. Работал научным редактором и переводчиком исторической литературы в издательстве «Альпина нон-фикшн» и Издательском доме «Дело» РАНХиГС.

Предисловие научного редактора

Нацисты натворили столько бед, что человечество будет вспоминать о них еще долго. Третий рейх был и остается предметом пристального внимания ученых, художников, политиков и обычных людей. Это в высшей степени странное государство многие считают образцово-показательной империей зла, высокоорганизованным социальным организмом, который при определенном стечении обстоятельств вполне мог «сожрать» всех людей и воцариться над миром. Однако при ближайшем рассмотрении потенциал рейха выглядит не таким уж мощным. Если тот факт, что нацистское государство было воплощением зла, не вызывает никаких сомнений, то к его блестящим перспективам имеет смысл отнестись весьма скептически. Почему? Ответы на этот вопрос пыливый читатель найдет в книге Артёма Космарского. Нужно просто внимательно ее читать.

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой сборник очерков, на первый взгляд не связанных друг с другом: теория арийского футбола и судьба одинокой немецкой девушки, взаимоотношения рейха с исламом и бокс в концлагерях и так далее. Однако, несмотря на разнообразие тем и некоторую эклектичность, тексты создают интереснейший эффект: они пока-

зывают существование практически неработающей системы. Перевернутая пирамида, у которой вершина не внизу, а сверху.

Эта маленькая вершина — Адольф Гитлер — тиран и абсолютный властелин, который почти никогда не формулирует четких и однозначных приказов. Вокруг него постоянно крутятся минимум пять адъютантов из различных ведомств: партии, вермахта, СС, имперских министерств. Все они записывают каждое слово фюрера, чтобы угадать его пожелания, претворить их в жизнь и скорее об этом доложить. Все. Одновременно. Пишутся приказы, разрабатываются десятки инструкций, ведется яростная подковерная борьба с доносами и «подставами». Все ненавидят друг друга: Геринг — Геббельса, Розенберг — Гиммлера и так далее. Человек рейхсфюрера, гауляйтер Грейзер, пишет Гитлеру доносы на товарища по борьбе — гауляйтера Форстера. Фюрер не вмешивается. А вопрос-то важный — германизация присоединенных к рейху польских территорий. Даже по этой проблеме не существует единого мнения, единых правил, единого регламента. Выглядит как комедия, но для простого люда все эти разногласия означают только страдания и кровь.

Но почему же при таком руководстве все это работало? На мой взгляд, автор дает ответ и на этот вопрос, хотя не ставил перед собой такой цели. Беда в том, что нацистам достался «тот» народ. И повинны в этом вовсе не Гитлер с его приспешниками, а победители в Первой мировой войне, которые подвергли немцев таким унижениям, что те готовы были на союз хоть с самим Сатаной. Собственно, его они и получили. Все

Р. Гесс, Г. Гиммлер, Ф. Боулер, Ф. Тодт и Р. Гейдрих (слева направо) на выставке «Планирование и построение нового порядка на Востоке»

прошло как в голливудском фильме «Ослепленный желаниями» 1967 года (где дьявол исполняет все желания героя, но издевательским образом). Гитлер заманил немцев обещанием реванша, дал его им, а взамен те получили тотальную войну, «бомбенкриг» и неисчислимы страдания. Впрочем, память о мучениях после Версаля и патриотический подъем 1930-х годов настолько сплотили немцев, что любое действие союзников имело результат ровно противоположный планируемому. Все это накладывалось на зараженность идеологией, природную дисциплинированность и хорошие исполнительские качества. В результате, как ни запутывали нацистские руководители дело (которое каждый из них понимал по-своему), как ни усложняли процесс выполнения задач (которые никто однозначно не формулировал),

на «последней миле» всегда оказывались исполнители, сглаживавшие своим рвением все неровности. Система работала. А теперь сравните все это с советской классической пирамидой: четкие, ясные распоряжения отдаются на самом верху и доходят до уровня непосредственного исполнителя, снабженные простыми и доступными инструкциями. Это было необходимо по той простой причине, что с конечным исполнителем в СССР дела обстояли плохо: не хватало квалифицированных кадров.

Еще один важный фактор, на который обращает внимание автор, — некая нетоталитарность тоталитаризма в Третьем рейхе. Гестапо не реагирует на доносы о явной неблагонадежности, если в этих доносах нет маркеров, провоцирующих сотрудников тайной полиции на какие-либо действия. Некрупный партийный функционер без команды решает «ариизировать» популярный вид спорта, устраивает многомесячную дискуссию в прессе и даже пытается саботировать общегосударственные спортивные мероприятия. Конечно, эти факты скорее исключения из правил, но они очень хорошо иллюстрируют тот самый управленческий хаос, царивший в нацистской Германии. При этом тоталитаризм в рейхе был самым настоящим. Все зависело от того, кто руководил процессами. Вот в Имперском министерстве народного просвещения и пропаганды, которым руководил Йозеф Геббельс, никакой самостоятельности не было и в помине. Подчиненные Геббельса боялись случайно на его искалеченную ногу взглянуть — где уж тут думать о самовыражении и корректировке партийной линии? Более

того, в ведомстве Геббельса на любой случай существовали жесткие и четкие инструкции.

Интересно показывает автор противоречие между официальным национал-социалистическим патриархатом и той ролью в освобождении немецких женщин, которую сыграли необходимость пополнять рабочей силой заводы и жестокие бомбовые налеты союзников. В результате рейх из патриархального государства, где женщинам отводилась роль домохозяек или живых инкубаторов для разведения пушечного мяса, превратился в страну матерей, жен и сестер, фактически взявших на себя управление народной жизнью. Но случилось это уже в последние годы войны.

Награждение Почетным крестом немецкой матери

Разумеется, Артём Космарский не обошел вниманием и самые темные стороны Третьего рейха — холокост, концлагеря и коллаборационизм. Он попытался ответить на вопросы: почему в страшном львовском погроме участвовали не только украинские националисты, что немцы хотели найти на Украине, по каким причинам военнопленные записывались в вооруженные силы Третьего рейха.

Большим откровением для многих читателей станет статья, посвященная организации боксерских поединков в концлагерях. Представители старшего поколения наверняка помнят повесть Георгия Свиридова «Ринг за колючей проволокой», где рассказывается о военнопленном советском боксере, который попал в Бухенвальд и вынужден был принимать участие в поединках с охраной. Как выяснилось, многие подробности организации таких поединков советский писатель не выдумал. Соревнования по боксу в немецких лагерях действительно больше напоминали бои без правил. О нацистских концлагерях, кстати, известно, что в большинстве из них царил такой же хаос, как и во всем рейхе (конечно, были исключения вроде прекраснодушного идеалиста и, можно сказать, гуманиста, Рудольфа Хёсса — коменданта Аушвица, который навел в деле истребления евреев просто невероятный порядок).

В книге упоминается термин «нулевой час» (как обозначение полного краха немецкого общества после поражения Германии в 1945 году), о котором в советской литературе не писали. Старшее поколение знает его только по слабенькой гэдээровской военной комедии «Мой нуле-

вой час», но вряд ли кто-то задумывался над смыслом этого выражения. А вот для немцев «нулевой час» значит многое. Одномоментное крушение уклада жизни. Полное изменение реальности. Обнуление. Пропажа всего. Японцам, по крайней мере, оставили их императора. Немцы утром 9 мая 1945 года оказались голыми практически во всех смыслах этого слова. Автор заглядывает и в эти печальные дни, когда «черное стало белым, а белое — черным». Наиболее интересная трансформация происходила не со взрослыми, которые умели как-то приспособливаться к меняющейся обстановке, а с представителями молодого поколения, которые родились при нацистах и другой Германией не знали. Оказывается, эту трансформацию зафиксировали в начале 1946 года, когда шок от наступивших перемен и травмы войны еще жгли сердца юношества. Результаты опросов, проведенных среди нескольких тысяч старших школьников, позволяют поставить под сомнение пользу денацификации, в те же дни осуществлявшуюся в западных зонах оккупации. Возможно, советский подход к проблеме, в рамках которого явных преступников жестоко наказали, а остальным просто сообщили, что они живут в новой стране, и не стали вырабатывать у них комплекс вины, оказался более щадящим и результативным в плане избавления восточных немцев от нацистской химеры.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга собрана из научно-популярных очерков, напечатанных в российских СМИ в 2014–2018 годах. Но почему именно о Третьем рейхе? И чем обусловлен такой выбор сюжетов? Чтобы ответить на эти вопросы, мне придется немного рассказать о собственном ремесле. Научная журналистика — весьма своеобразная профессия. Претензии к ней имеют и ученые, и журналисты, хотя задача ее полезная и почетная — доносить до широкой аудитории смысл того, что происходит в науке. Ученые пишут друг для друга, а научный журналист пишет об их изысканиях (иногда и вместе с ними) для несколько странного, неопределенного субъекта, который называется общественность или массовая аудитория.

Один из коронных жанров научной журналистики — лонгрид, большая статья. Часто (хотя и не всегда) лонгриды опираются на последние научные исследования, опубликованные в виде статей в международных рецензируемых журналах. С сюжетами по естественным наукам сложностей обычно не возникает. Существует отлаженная система трансляции открытий: от журналов (начиная с топовых *Science* и *Nature*) к пресс-релизам — и далее к средствам массовой информации (как специализированным, так и общего профиля). С социальными и гуманитарными науками все сложнее: отработанных каналов коммуникации у них немного.

Работая в российских СМИ, я стал одним из первых, кто попытался распространить жанр лонгрида на гуманитарные науки, прежде всего историю. И тут всплывает важный для научной журналистики аспект — привлекательность материала. Одних только высокостатусных журналов по истории в мире несколько сотен. Конечно, они выходят не с периодичностью *Science*, не раз в неделю, а раз в три-четыре месяца, но их очень много. О чем же писать? Сложность выбора темы усугубляется и тем, что в гуманитарных исследованиях бывает сравнительно немного открытий, благодаря которым логика работы СМИ (писать о новом) совпадает с логикой науки. В науках о человеке и обществе редко открывают новые законы, физические объекты, причинно-следственные связи — чаще речь идет о новой интерпретации, новом понимании материала.

Далее маяком становится логика читательского интереса. Научному журналисту приходится не

только думать об оригинальности и убедительности научной статьи, степени ангажированности и спекулятивности ее аргументов; не только оценивать, пустышка ли перед ним, добротный материал среднего уровня или нечто прекрасное и «прорывное». Второй, после качества именно научной аргументации, критерий — это подача выбранного сюжета: насколько выбранный ученым сюжет хорошо рассказан. Конечно, можно сделать увлекательный текст и из сухого, техничного повествования о бусах эпохи неолита или о демографической статистике Швеции XVIII века, но... Фактически я вернулся к очень древнему восприятию истории: она хороша тем, что рассказывает интересную историю. *History should tell a good story.*

И, наконец, третий критерий, самый реалистически-циничный. Если научный журналист пишет не о каком-то значимом для всех открытии, которое само по себе является сенсацией, ему приходится думать о том, насколько избранная тема вообще способна заинтересовать публику. История, например, сасанидской Персии или гендерных отношений в средневековой Испании, конечно, может дать занимательные сюжеты, но, увы, они слишком далеки от жизненного мира и интересов русскоязычной аудитории. Вторая мировая война, гитлеровская Германия — эти темы, напротив, гарантируют некое безусловное внимание и даже политическую остроту, как уверяли меня ре-